

Раздел 2.
Наука и философия в СССР

Н.Г. Баранец, А.Б. Верёвкин

Идеологические конфликты в естественнонаучном сообществе в СССР
в 30-е годы

Идеология в науке проявляется на разных уровнях. Внешняя по отношению к научному сообществу социально-политическая идеология, как часть государственной политики, предназначена для контроля всех общественных институтов, в том числе и науки. Целенаправленный процесс внедрения в жизнь научного сообщества политической идеологии называется идеологизацией. Его влияние в большей степени касается социальной жизни научного сообщества, и в меньшей степени связано с реальным формированием и развитием научных идей. Проникновение политической идеологии может осуществляться как прямым государственным влиянием, вмешательством в жизнь дисциплинарных сообществ, так и привлечением административного ресурса в научные дискуссии группами учёных - либо сторонников «новой науки», либо их противников, защищающих «старую» парадигму против «обновленцев» или «ревизионистов».

Обращаясь к опыту истории, стоит выделить период интенсивного и целенаправленного введения идеологического контроля в СССР в конце 20-х годов, затронувшего повседневную жизнь естественнонаучного сообщества. Возможность обсуждать и философски осмысливать принципиальные научные проблемы зависела от конкретного дисциплинарного сообщества, представители которого осмеливались выступать за сохранение этических норм науки и боролись за право открыто высказывать свою позицию.

Явная политизация дискуссий в математике началась в 1928 году. В Ленинградском математическом обществе по инициативе преподавателей математики ЛГУ, образовалась группа «левых» для борьбы с «правыми»¹. В Академию Наук были выдвинуты Н.М. Гюнтер и И.М. Виноградов, что обострило противостояние группировок внутри математического общества.

От Московского математического общества были рекомендованы Н.Н. Лузин и Д.Ф. Егоров. Для снятия противостояния В.И. Вернадский даже предложил провести Лузина по отделению философских наук. В итоге в 1929 году И.М. Виноградов и члены-корреспонденты С.Н. Бернштейн, Н.М. Крылов, Н.Н. Лузин были избраны академиками АН СССР по отделению физико-математических наук (математике), а члены-корреспонденты Д.А. Граве и Д.Ф. Егоров были избраны почетными академиками. Математик, член-корреспондент с 1922 года Н.М. Гюнтер академиком избран не был.

27 декабря 1929 года на конференции аграрников-марксистов Сталин в своей речи отметил отставание теории от практики и призвал к «повороту в политике партии». Это стало командой, как для «философского фронта», так и для математического. Одной из вех этого поворота было смещение в 1930 году Д.Ф. Егорова с поста директора Института математики и механики Московского университета. Выдающийся учёный и администратор Егоров открыто демонстрировал свои религиозные убеждения и неприязнь к новой власти. Его место занял «красный профессор», математик-алгебраист О.Ю. Шмидт, призвавший перестроить работу Института на марксистской основе.

В июне 1930 года на Первом всесоюзном съезде математиков Егоров выступил против отправления приветствия в адрес XVI съезда партии, проходившего в то же время. В сентябре 1930 года Егорова арестовали по делу Всесоюзной организации «Истинно-православная церковь». Московское математическое общество оказалось под угрозой закрытия. Руководство

---

¹ К правой группе относились - Н.М. Гюнтер, В.И. Смирнов, Г.М. Фихтенгольц, к левой - Л.А. Лейферт, А.Д. Дрозд, А.Р. Кулишер, а промежуточную группу составили И.М. Виноградов и А.М. Журавский.

Общества осудило контрреволюционную деятельность Егорова и провело реорганизацию, избрав председателем Э.Я. Кольмана. Последний высмотрел враждебный дух в мировоззрении представителей старой Московской философско-математической школы (Н.В. Бугаева, П.А. Некрасова), с которой связал философско-религиозные идеи Егорова, Флоренского и Лузина. Арест Егорова устрасил Лузина, – он перестал участвовать в руководстве Обществом и покинул университет. Лузин уехал в Ленинград и возглавил отдел теории функций Математического института имени В.А. Стеклова. В Академии Наук он возглавил математическое отделение.

В это время «инициативная группа» захватила Московское математическое общество. Изгнание Егорова было результатом совместных действий «пролетарского студенчества» и «красных профессоров». С 1932 года президентом Московского математического общества стал П.С. Александров, а главным редактором «Математического сборника» – О.Ю. Шмидт. Положение молодых математиков поколебалось, когда с восстановлением практики присвоения научных степеней позиции Лузина вновь усилились, – он возглавил математическую квалификационную комиссию. Его основным противником стал бывший ученик – П.С. Александров, уже создавший оригинальную школу в общей топологии.

В деле академика Н.Н. Лузина не было идеологии в концептуальном плане, а идеологическая риторика использовалась для достижения личных неидеологических целей. «Дело Лузина» послужило для власти поводом указать, что учёным следует публиковать свои работы в отечественных журналах, и по направленности лучше быть практически полезными для государства. Компания против «вредительства» Лузина была прекращена из-за сложности доказательств на отвлечённом и неидеологизированном материале. Группа Кольмана не справлялась с ролью лучшей советской математической школы и плохо служила идее приоритетности русской науки. «Молодые математики» рвались к постам в математическом

сообществе и использовали идеологическую риторику для прикрытия своих личных целей. Вполне идеологическую позицию занимал Сталин, желавший контролировать отечественную науку и превратить АН в «штаб советской науки». Поэтому он внял мнению академиков, защищавших Лузина и доказывавших его полезность для советской науки (П.Л. Капица, В.И. Вернадский, Н.С. Курнаков, Н.В. Насонов).

«Внутренние» попытки идеологизации математики в этот период не привели к успеху. В 1930 году на первом Всесоюзном съезде математиков в Харькове, организованном Украинским институтом математических наук, возглавляемым крупным российским математиком С.Н. Бернштейном, состоялась дискуссия о применении метода диалектического и исторического материализма к истории и обоснованию математики, а также «внедрения этого метода в собственно математическое исследование». Главными оппонентами выступили сторонник диалектики М.Х. Орлов и С.Н. Бернштейн, полагавший, что между диалектикой и математикой нет точек пересечения. После съезда Бернштейна сняли с должности директора института, и его место занял Орлов. Став рядовым профессором Харьковского физико-химико-математического института, Бернштейн опубликовал в институтской многотиражке статью против применения в математике диалектики, по его мнению, ведущей к скудоумию. Материалистическая диалектика в математике была бы допустима, если с её помощью не хуже, чем математическими методами решалась бы какая-то математическая задача, но таких задач нет. Математика, в отличие от философии, имеет ясные и работающие методы. А постоянные философские дискуссии показывают, что у этой дисциплины нет единства и ясности, и поэтому внедрение диалектико-материалистического метода в математику не принесёт пользы науке. Кроме того, математика внеклассова и внеполитична, поэтому математики разных убеждений могут совместно работать над одними проблемами, дополняя друг друга. У сторонников диалектизации математики, в итоге, не хватило математического авторитета для

осуществления своей программы, а одного административного ресурса для этого оказалось недостаточно.

Своё право на дискуссии смогли отстоять и физики. В 1934 году на специальной научной сессии Института философии КомАкадемии, посвящённой 25-летию опубликования книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», был выдвинут призыв о союзе материалистов-диалектиков и естествоиспытателей для борьбы с идеализмом. Но А.Ф. Иоффе решился высказать ряд принципиальных замечаний о сложившейся взаимосвязи физики и философии в СССР. Он зачитал доклад «Развитие атомистических воззрений в XX веке», указав, «...что и сейчас всё-таки существуют выпады, когда философы становятся поперек дороги историческому прогрессу физики и говорят: «Назад, назад, ничего не допущу, всё идеализм; назад на 30 лет»... Но я бы сказал, что отвергая совершенно такую постановку вопроса, где развитие науки считается идеализмом, всё-таки с опаской принимается каждая новая научная теория, каждое новое познание природы. Не только в их толковании, но и в самих теориях ищется идеализм» [Иоффе. 1934. С. 65.]. Иоффе утверждал, что идеализма в самих физических теориях нет – идеалистическим может быть только их толкование.

Пытавшиеся критиковать физические теории за «идеализм», действовали по одной схеме: вырванные из контекста предложения и принципы (например, принцип дополнительности или соотношения неопределенности) осуждались, как якобы противоречащие какому-то положению марксизма, а для обоснования этого находилась относительно подходящая цитата из канонического текста («Анти-Дюринг» Энгельса или «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина). Выдающиеся учёные, такие как С.И. Вавилов, А.Ф. Иоффе, И.Е. Тамм, В.А. Фок, в 30-40-х годах были вынуждены постоянно выступать против такой невежественной критики. Они не только боролись с идеологической демагогией, но и дискутировали по философским вопросам физики. Спор, отстаивавший положения

квантовой физики и права учёных, ею занимающихся состоялся между К.В. Никольским и В.А. Фоком в 1938 году.

Никольский обвинял представителей ленинградской и московской школы, занимающихся разработкой квантовой механики, в распространении идеалистических идей. Он не отрицал значения квантовой механики для решения проблем атомной физики, но заявлял, что она не имеет твёрдо установленных принципов. Претензия Никольского к физикам-теоретикам состояла в том, что они вместо идейного руководства советской экспериментальной физикой, критического пересмотра имеющихся теорий или создания новых, занимаются «жалким копированием совершенно чуждых взглядов». Свою задачу Никольский видел в раскрытии реакционной сущности копенгагенской школы. Он призывал создать материалистическую теорию атомных явлений.

Фок ответил на эти нападки острополемиической статьей «Дискуссия по вопросам физики», отвергнув все обвинения. Согласившись, что в квантовой физике некоторые учёные придерживаются идеалистической теории – махизма, он возражал, что на этом основании принципы квантовой механики становятся идеалистичными. Фок решительно высказался против философов, нападавших на принцип дополнительности Бора и неравенства Гейзенберга. Он отметил противоречивость позиции критиков: они не могут отрицать квантовую механику в целом, но оспаривают некоторые её принципы, считая что они противоречат материализму. Фок возмутился тем, что в статье А.А. Максимова все советские физики, признающие квантовую механику «полностью, огулом объявлены за это идеалистами». Ведь вопрос о принципе дополнительности в квантовой механике, прежде всего, физический, и о нём могут и должны судить сами физики. Отрицание этого принципа отрицает и всю квантовую механику, так как он является её органической частью. Некоторая проблема состоит в том, что многие иностранные учёные любят снабжать свои теории философскими комментариями (идеалистическими по своему духу), а советские философы не умеют найти истинного

философского содержания физических теорий. Наоборот, эти весьма противоречивые комментарии, которые можно отнести и к материализму, и к идеализму, они принимают за суть и не видят самих физических теорий.

Фок ставил проблему философского обоснования квантовой механики. Он доказывал, что принцип дополнительности Бора вытекает из неравенства Гейзенберга. Фок призывал к нормальной научной дискуссии, осуждая недопустимые средства, используемые некоторыми философствующими критиками квантовой физики. Ведь те, не умея логически опровергнуть принцип дополнительности, обвиняют физиков, его использующих, в политической реакционности.

Физикам удалось противостоять критике и отстоять свою позицию во многом благодаря согласованности этого дисциплинарного сообщества. Их борьба продолжалась до середины 50-х годов с разной степенью интенсивности.

Работа поддерживалась грантом РГНФ № 12-33-01329

Литература:

Иоффе А.И. Развитие атомистических воззрений в XX веке // Под знаменем марксизма. 1934. № 4.

Никольский К.В. О путях развития теоретической физики в СССР // Под знаменем марксизма. 1938. № 1.

Фок В.А. К дискуссиям по вопросам физики // Под знаменем марксизма. 1938. № 1.